

ЛЕНИН КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Владимир Прохорович Булдаков

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН.
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: kuroneko@list.ru

В. И. Ленин не случайно назвал Л. Н. Толстого «зеркалом русской революции». В своем отрицании самодержавной России он ориентировался не только на марксистскую теорию, но и на моральное неприятие русской литературой застойной действительности. Отсюда обилие живых литературных образов, содержащихся даже в теоретических работах Ленина. В связи с этим и сам Ленин предстает своеобразным зеркалом по-прежнему не до конца понятой русской революции.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Л. Н. Толстой, экономический материализм, марксизм, революция, утопии, русская литература.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-121-137

В свое время в соответствующей статье (1908) В. И. Ленин назвал Льва Толстого «зеркалом русской революции». Это не совсем точно: некоторые современные авторы не без оснований считают, что в такой роли выступила вся русская литература XIX в. Действительно, метод критического реализма, а проще сказать, выраженная средствами словесного искусства моральная непримиримость с действительностью (за которой виделось «чудище обло»), исподволь внушал людям умеренным и внешне лояльным представление о «спасительности» революционных изменений.

Образ «зеркала» — отнюдь не изобретение Ленина. Для Стендаля, отстаивающего приоритет реалистичного воспроизведения действительности, «зеркалом, с которым идешь по большой дороге», был роман — произведение, которое в силу своей природы отражает не только «лазурь небосвода», но и «грязные лужи и ухабы». Романиста с его «зеркалом» нельзя обвинять в безнравственности. Скорее виноват «дорожный смотритель, который допускает, чтобы на дороге стояли лужи и скапливалась грязь». Образ, предложенный французским писателем, применительно к самодержавной России выглядит многозначительно.

Ныне историю русской революции безоговорочно связывают с фигурой Ленина. Действительно, всякий диспут о ней упорно фокусируется на личности ее «вождя», причем вроде бы единственного. Но это далеко не так: «красную смуту» затеял вовсе не Ленин (ни в дуэте с Троцким, ни без оного). Истинным творцом рево-

люции стали «массы», которые в начале XX в. начали повсеместно вырываться на простор истории, что привело к «восстанию масс» (термин Х. Ортега-и-Гассета). Как бы то ни было, фигура Ленина превратилось в маркер этого события. Вглядываясь в его личность, можно действительно разглядеть агрегированный образ силы, потрясший до основания тысячелетнее царство. Силы, которой ему порой удавалось воспользоваться. Но почему?

Для начала стоило бы предположить, что фигура Ленина, несмотря на его «европейскую» ученость, оказалась изоморфна внутреннему наполнению русского хаоса. За счет чего? Стоит предположить, что Ленин питался и подпитывался не столько теорией (которая, согласно Гете, все же «сера»), сколько обличительными образами, настойчиво поставляемыми русской литературой.

Нынче историки обычно описывают Ленина как политика, философы и экономисты — как мыслителя. Забывается, что в прошлом советские филологи сделали из него своего рода литературного критика. И для этого имелись основания: Ленин усердно поглощал не только художественную литературу, но и поэзию. Но что именно он впитывал в себя?

Литература, которую мы выбираем

Во второй половине XIX в. русское общество стало «читающим». Иначе и быть не могло: Россия поневоле выбиралась из крепостнического застоя, а самодержавие вкупе с православием не поставляли необходимой людям духовной пищи. Как результат, образы, доминирующие в литературе, предстали сонмищем дворянско-помещичьих «мертвых душ», как-то неуверенно разбавленным фигурами из народа — от толстовского Каратаева до горьковского Челкаша. Вместе с тем немногих инсургентов, нравственно возмущенных лиц, вроде пушкинского Дубровского, «законно» разоренной существующей системой, или тургеневского Рудина, отчаянно оглядывающегося на Запад, порождала как раз дворянская среда. На фоне засасывающего застоя они смотрелись безнадежно и даже жертвенно — ситуация «Палаты № 6». Кстати сказать, познакомившись с этим чеховским произведением, Ленин, по свидетельству близких, пришел в крайнее возбуждение. Было от чего! Однако намного чаще Ленин вспоминал чеховского «человека в футляре», который выступал типичным порождением авторитарного застоя с его характерной философией: «Как бы чего не вышло». Другим символом недееспособной системы, заимствованным на сей раз у И. А. Гончарова, стали Обломов и обломовщина.

Круг чтения Ленина был широк — начиная не только с Радищева, как принято считать, но и с Державина и Карамзина. Иной раз он вспоминал даже Дениса Давыдова. Но в целом, избегая эстетических предпочтений, этот читатель старался выстроить длинный ряд идеологически «нужных» литературных протестантов,

при этом словно сожалея, что все его — вольные и невольные — предтечи «не доросли» до Маркса. Однако в ленинских оценках звучали и ноты раздражения против слабостей «ленивого» российского ума.

В этом ряду Толстому принадлежит особое место. «...Какая глыба, а? Какой матерый человечиче! Вот это, батенька, художник... — вразумлял он А. М. Горького. — И, знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было» (Горький, 2019: 308). Конечно, ленинское понимание Толстого было вульгарно-поучающим.

Толстой был для Ленина не просто великим художником, выступившим с тотальной критикой существующей системы. Он оставался «помещиком, юродствующим во Христе». Толстой — не только величайшее соединение ума и таланта: он воплощал собой глубинный общественный недуг, оставаясь «истасканным, истеричным хлюпиком, называемым русским интеллигентом» с его органической неспособностью к бескомпромиссной борьбе с общественным злом (Ленин, 1968а: 209).

На фоне юбилейных славословий в адрес морализирующего гения такие характеристики звучали не только бестактно, но и вызывающе. По мнению Ленина, потаенного смысла творчества Толстого «не понимали» из-за слабости исторического воображения интеллигенции. Да и что было взять с российского либерала, который «ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует» (Там же). Оказывается, верная оценка учения и творчества Толстого возможна только с точки зрения единственного класса, способного разрубить весь узел российских противоречий, безнадежно опутавших даже великого писателя. Критикуя Толстого, Ленин пытался наставить российскую общественность на «единственно верный» путь. Позднее, уже после смерти Толстого, он по-своему «похоронил» его, уверяя, что толстовщина была «идеологией восточного строя, азиатского строя». Ему казалось, что «1905 год был началом конца “восточной” неподвижности» и «историческим концом толстовщины» (Ленин, 1973: 102, 103). Революционер не может не подогревать себя подобными самообольщениями.

Конечно, упорно цитировал Толстого не только Ленин. Подобно нравственному метроному эпохи, Толстой был востребован буквально всеми. Тем же пафосом была пронизана вся бесконечно морализирующая художественная литература. Но, в отличие от либералов и социалистов, Ленин находил в ней не просто всевозможных «врагов прогресса». Он упорно отыскивал в литературных образах «застойные» архетипы российской действительности. Всякий другой подход ему мешал. Отсюда неприятие Достоевского, в котором виделось толстовское осуждение неизбежной революции. Впрочем, отвергая «Братьев Карамазовых» и «Бесов», Ленин высоко оценивал «Записки из Мертвого дома». Очевидно, что

вся старая Россия представлялась ему именно «мертвым домом» (Бонч-Бруевич, 1968: 24). Конечно, Ленин не мог заметить, что в «Великом инквизиторе» по-своему прозвучала идея тотального неприятия существующей действительности: теоретик-прогрессист того времени не готов был поверить в «бесов исторического подполья» (хотя как практик мог незаметно для самого себя следовать их незримым «подсказкам»).

Разумеется, Ленин восторгался и ненавидел *воображаемого* Толстого. Примечательно, что П. Н. Милюков, будучи знаком с Толстым, как-то признался, что у него возникло убеждение, что ему его «никогда не понять» (Милюков, 1991: 115) — мозги моралиста попросту работали иначе, чем мозги прогрессиста. Ленин, напротив, решительно «понял» Толстого. Разумеется, по-своему.

Подборка литературных образов в ленинских произведениях, конечно, тенденциозна. Неслучайно о собственно литературных достоинствах любимых и нелюбимых авторов Ленин высказывался редко. Тем не менее при написании «Развития капитализма в России» он, наряду с многочисленными экономистами, предпринимателями, помещиками, земским статистиками, цитировал В. В. Вересаева, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Е. Салтыкова-Щедрина. В общем, старался увидеть общественную жизнь глазами писателей. Даже в «Материализме и эмпириокритицизме» присутствуют образы из Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, не говоря уже об особо любимом Чернышевском.

Подмечено, что Ленин процитировал Салтыкова-Щедрина несколько сот раз, постоянно упоминались им едва ли не все гоголевские типажи. Среди последних больше всех «повезло» Манилову: он то мечтательный народник, то прекраснодушный либерал. Упоминалась также «маниловщина либеральная и маниловщина революционная» — последнее о социал-демократах, якобы готовых отказаться от насильственного свержения царизма. В конечном счете маниловщиной объявляется все, что мешало вызреванию истинных революционеров.

Конечно, не мог забыть Ленин и других гоголевских персонажей. Помещичий класс он соотносил и с «кадетом» Маниловым, и с «черносотенцем» Собакевичем. «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драгунов, секунов, серальников” да прекраснодушных Маниловых», — цитировал Ленин Герцена, соглашаясь с ним, что из этого же сословия вышли «люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя...» (Ленин, 1968б: 255). Понятно, что самого себя он видел наиболее последовательным продолжателем дела декабристов. Другие претенденты на эту роль ему только мешали. Троцкого он сравнивал не только с Хлестаковым, но и с Ноздревым — не просто хвастуном, но и партийным раскольником. В 1917 г. роль Ноздрева исполнял министр Временного правительства эсер В. М. Чернов, выдвигавший

бесконечные «спасительные» законопроекты и красноречивый перед массами. Бесплезно прикидывать, насколько заслуженными были сравнения: Ленин стремился «разоблачить», точнее, дискредитировать политических противников любой ценой.

В общем, Ленин словно тщился разглядеть в беллетристике признаки грядущей «революционной ситуации». Отсюда навязчивое цитирование Н. А. Некрасова, которого, по словам Крупской, он «чуть не наизусть выучил» (Крупская, 1957: 217). Впрочем, Ленин находил в поэзии и еще кое-что: так, в стихах дворянина Тютчева его впечатляла поэтика великих потрясений. Но за что он любил Надсона? Почему в 1904 г. в качестве ключа к зашифрованному посланию Тверскому комитету РСДРП предлагал использовать его «Песни Мефистофеля» (Ленин, 1970: 426)? Конечно, это не было поддразнивающей игрой в демонизм. Вероятно, предложение Мефистофеля зажечь ядом печали «приторную чушь» надсоновских стихов вполне отвечало стилистике ленинских работ. Стоит также вспомнить, что Надсон призывал «не презирать толпу», а напротив, «слиться с ней» в момент, когда она окажется «болезненно-отзывчива».

Через литературу и поэзию Ленин словно впитывал энергию отрицания всего «отжившего». К этому добавлялась теория — причем «единственно верная», марксистская. По-своему помогал и свойственный времени утопизм. «Гений революции» рождался на стыке эмоционального и логического, реалистичного и фантазийного.

В конце XIX в. читающая Россия активно поглощала не только реалистическую беллетристику. Невиданный технический прогресс стимулировал футуристические утопии. Так получил широкую известность роман Уильяма Морриса (1834–1896) «Вести ниоткуда», в котором автор, между прочим, отмечал: «В последние годы девятнадцатого века возникла некоторая надежда на переход к свободной жизни. Но могущество тогдашних господ жизни — владельческих классов — было столь велико, что даже надеявшиеся считали себя мечтателями». Однако в Англии революция, уверял автор, все же произошла. И она оказалась кровавой вопреки тому, что противники старого строя придерживались тактики «бойкота» или «пассивного сопротивления» (Моррис, 2010: 80, 85) — вроде бы по Толстому.

Как бы там ни было, в европейском обществе рождалось убеждение, что растущее материальное изобилие обеспечит всеобщее благоденствие. Дело за справедливо-рациональным распределением. Американский журналист Э. Беллами в 1888 г. в многократно переиздававшейся книге «Взгляд назад» («Looking Backward», на русском языке «Взгляд на прошлое», «Золотой век», «Через сто лет») представил общество будущего в виде большого универмага, в котором покупатели легко удовлетворяли свои — довольно умеренные в силу воспитанных

добродетелей — потребности с помощью кредитных карт. Беллами полагал, что материальное изобилие должно поддерживаться 24-летней службой (с 21 до 45 лет) граждан в «добровольно-обязательной» трудовой армии. Другие фантасты предлагали иные сроки сознательной повинности — кто больше, кто меньше, не утруждая себя, однако, математическими подсчетами, связанными с производительностью труда.

Материальный прогресс породил эпидемию самообольщений. И потому не удивительно, что с начала 1890-х гг. российская публика подхватила идеи Беллами, не обращая внимания на характерную оговорку последнего: «...Идея бесконечного прогресса по прямой линии — фантастическая химера, не имеющая аналогии в природе. Парабола кометы — вот подходящая иллюстрация для движения человечества» (Беллами, 1891: 11). Нечто подобное еще ранее высказывал и многократно упоминаемый Лениным Чернышевский: «История не тротуар Невского проспекта». Тем не менее, в глазах российской общественности Беллами оставался «экономическим детерминистом», противником всякой революционности и даже толстовцем.

В России марксизм наряду со ставшим известным еще до него «экономическим материализмом» поначалу сыграл «эволюционно-вдохновляющую» роль: завтра будет лучше, чем вчера. Милюков уверял, что «экономический материализм» (в виде общепринятой теории бесконечно устремленного вверх прогресса) «был в моде на Западе раньше и независимо от Маркса», причем доходил до России, отнюдь «не смешиваясь с марксизмом» (Милюков, 1991: 76). Но этого для формирования нового мироощущения, способного вырвать российских обывателей из удушающих объятий режима, было недостаточно.

Надо ли удивляться, что вышедшая в 1894 г. книга П. Г. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» с ее пылким призывом «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму» была обречена на успех. Консервативная утопия народничества уверенно вытеснялась утопией прогрессизма. «Рациональный» марксизм по-своему подпитывал футуристические грезы.

Мода на «светскую религию» порой приобретала парадоксальные формы. Поэт Андрей Белый в «Начале века» вспоминал «либерального» московского батюшку В. С. Маркова, организовавшего в своем доме молодежный кружок для изучения К. Маркса. Тогдашний «русский марксизм» был многолик, оптимистичен, беспечен, а в целом безобиден. А потому другого поэта, Георгия Чулкова, «соблазняла мысль во что бы то ни стало нарушить сонную одурь, доставшуюся России по наследству от правительственной опеки Александра III» (Чулков, 1999: 34). Вероятно, поэтому он в марксизме не удержался, превратившись в «мистического анархиста». «Марксистом» объявил себя и поэт-символист Эллис. Да и сам

Андрей Белый в молодости исповедовал марксизм и, по свидетельству Ф. А. Степуна, даже ездил в Ясную Поляну защищать диалектический материализм перед Толстым (Степун, 1994: 216).

Случалось всякое. Как видно, в тогдашних мозгах не могло не возникнуть известного по Салтыкову-Щедрину противостояния взаимоисключающих соблазнов: *то ли конституция, то ли севрюжина с хреном* — то ли революция, то ли эволюция. Все зависело от общественного темперамента, который, в свою очередь, определялся уровнем моральной (не)терпимости. «Два демона были моими спутниками с отроческих лет — демон поэзии и демон революции, — вспоминал Чулков. — Я всегда хмелел от песен Музы, и я всегда был врагом “старого порядка”» (Чулков, 1999: 32).

«Несомненно, марксизм обладает огромной силой веры, он должен был бы оказывать, благодаря детерминистической основе своего характера, прямо-таки чарующее впечатление на последовательных холодных мыслителей...» (Атлантикус, 1907: 13) — писал в 1907 г. К. Баллод, автор социал-демократического толка, упорно доказывающий преимущества научной организации производства перед социальной революцией (после прихода к власти Ленин подхватил эти идеи).

Впрочем, мировая война словно превратила Ленина-«детерминиста» в волюнтариста. Этому помогла гегелевская диалектика, способная, как оказалось, выступить в роли «философии чуда»: если империалистический мир глуп и греховен в самоубийственной степени, то «спастись» он может только ценой революционного самоотрицания.

Пародийно-христианский характер российского марксизма несомненен. С этим связана и его притягательность для «униженных и оскорбленных». Мало того, на фоне inferнальных тягот мировой войны обещания социального равенства и грядущего достатка стали резонировать с базовыми установками народнической ментальности, заквашенной на идеях общинного равенства. В известном смысле тяготение к «безбожной религиозности» характерно не только для Новейшего времени, но и для всей современности. Человек нуждается в вере, которая — будь то «безрелигиозное христианство» или подобие универсального «нетеистического теизма» — должна обновляться, чтобы держать его в экзистенциальном тоне.

Человеческие души взывают к вере, а не к теориям. В этой связи вовсе не удивительно, что «воинствующий материалист» Ленин, восприняв от Маркса «светскую религию», принялся упорно бороться против любых верований, надеясь при этом найти союзников среди ученых-естествоиспытателей, включая буржуазных (Ленин, 1970: 27). Его бесило всякое «заигрывание с боженькой». Интеллигентская среда также становилась «научно атеистической». Сочетание дарвинистских и марксистских представлений породило фантастическую форму прогрессизма, высмеянную еще В. С. Соловьевым: если человек произошел от обезьяны, то он непременно станет социалистом.

Но и этого было мало. Фигура нигилиста в русской литературе появилась неслучайно. Если диалектика — это «алгебра революции», гарантирующая превращение старого греховного мира в противоположность, то истинный революционер обязан освободиться от сдержек старой морали. Ему все дозволено во имя служения народу, лучшую часть которого стали со временем отождествлять с пролетариатом.

В представлениях о русской действительности Ленин следовал не только за теорией. Именно литературные «зеркала» глубинного народного недовольства, а не только вымученные марксистские абстракции подсказывали путь к революционной победе. Обычный революционер-доктринер изначально оторван от консервативно-инерционного (при всем внешнем недовольстве) массового сознания. Ленин частично преодолел этот разрыв именно благодаря способности к художественному воображению, усвоенному из литературных произведений.

Впрочем, со временем писательская среда подложила ему крупную свинью. Мало кто из видных литераторов безоговорочно пошел за «вождем Октября». Даже Горький, серьезно поработавший на большевиков, крупно подгадил другу Ильичу своими «Несвоевременными мыслями». Сегодня его обычные интеллигентские возражения кажутся более основательными, нежели поспешные ленинские идеи. И это тоже неслучайно. Революционный политик (пусть великий) и критически настроенный художник в конечном счете оказываются людьми разных культурных эпох.

Революция, которая выбирает нас

Революцию обычно представляют в виде управляемого процесса, хотя со времен французских событий 1789 г. известно противоположное: ее вожди, разрываясь между теоретическими установками и практическими устремлениями масс, в большей или меньшей степени превращаются в заложников хаоса. Большинство из них неслучайно становятся калифами на час. Ленин сумел выбиться из этого ряда. На протяжении 1917 г. он неуклонно превращался в своего рода подстрекателя бунтарских выступлений низов.

По иронии истории упрямый социалист-атеист вернулся во взбудораженную столицу надломленной империи на второй день Пасхи. Что мог предложить Ленин в такие дни народу, от которого был физически оторван на целое десятилетие, не говоря уже о духовной отчужденности? Конечно, при всей «непредсказуемости» его заявлений даже последователи были ошеломлены его «пасхальным подарком». В изложении Н. Н. Суханова это было как «снег на голову». На своеобразной премьере «Апрельских тезисов» творилось жутковатое священнодействие: «Казалось, из всех логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений... стал носиться в зале Кшесинской над голо-

вами зачарованных учеников» (Суханов, 1991: 11). Суханов преувеличивал: Ленин, заявляя, что «мы не шарлатаны», внешне придерживался доктрины; правда, при этом делалась многозначительная оговорка: «наша ошибка — подход теоретический» (Ленин, 1981: 104). А из этого следовало, что своеобразие текущего момента состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть «буржуазии», ко второму, который должен делегировать ее пролетариату и беднейшему крестьянству. Но прежде следует преодолеть «революционное оборончество», служащее оправданием «грабительской, империалистической войны» — в том числе с помощью братания солдат на фронте. Только после этого был возможен переход власти к Советам (Ленин, 1981: 113–118).

Примечательно, что Ленин, противопоставляя парламентской республике будущую «республику Советов» и «государство-коммуну», особо подчеркивал значение «Советов батрацких депутатов». Это откровенно напугало Горького, известного нелюбовью к «темному» крестьянству. Великий пролетарский писатель отразил это так: «Когда Ленин... опубликовал свои “тезисы” я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству» (Горький, 2019: 289). Похоже, что пролетарскому писателю неслучайно померещился призрак новой пугачевщины.

Нет нужды разбирать утопичность прочих марксистских предложений Ленина: «устранение полиции, армии, чиновничества», «немедленное слияние всех банков в один и введение контроля над ним» со стороны Советов, установление жалования «советским» чиновникам «не выше средней платы хорошего рабочего», конфискация всех помещичьих земель и создание на месте крупных имений «образцовых хозяйств» под контролем пресловутых батрацких депутатов (Ленин, 1969а: 104–113). На что рассчитывал Ленин, ошеломив бывших соратников «безумными» «Апрельскими тезисами»? Вероятно, для начала следовало «напомнить о себе», сбив волну мартовских иллюзий и политического благодушия — всей той коллективной маниловщины, которая была известна из великой русской литературы.

Ленинские тезисы, скорее всего, остались бы рядовым проявлением тогдашнего революционного прожектерства, не случись Апрельского кризиса. Оказалось, что доверие масс к правительству, намеренному продолжать империалистическую войну, пошатнулось. Апрельский кризис показал, что массы склонны внимать «сумасшедшим». Утопия двинулась к октябрьской победе.

Но Ленин не спешил. Он даже одернул нетерпеливых кронштадтских матросов, намеренных немедленно свергнуть ненавистную власть. Более того, пытался уговорить меньшевиков и эсеров, преобладавших на I-м Всероссийском съезде Советов: «Окажите доверие нам, и мы дадим вам нашу программу». Понятно, что его заявление, что большевистская партия «каждую минуту» готова «взять

власть целиком», встретило смех (Ленин, 1969б: 267). И напрасно: в минуты ментальных смятений стоит приглядываться к революционным «психам». Отнюдь не по Марксу, а по законам общественной психологии массы непременно разочаруются в маниловщине революционной демократии, Хлестаков-Керенский исчерпает себя, а власть «подберет» наиболее решительная сила.

Но и Ленин в 1917 г. подчас оказывался не на высоте момента. Так, он вовсе не планировал выступление столичного гарнизона в начале июля 1917 г., будучи убежден в преждевременности подобных акций. Однако случился анархистский бунт; представить его мирной демонстрацией большевистскому руководству не удалось. Ленин ощутил, что злобное людское нетерпение подгоняет его, сокрушая выверенные планы. В сущности, он оказался в нелепой ситуации: вопреки его нацеленности на пролетарскую сознательность людская молва, не говоря уже о мнительных политиках, готова была уверовать, что восстание большевиков сделано с помощью «немецких денег».

Но даже конспирологические инвективы не помогли противникам Ленина: из реального политика он уже превратился в подобие революционного мифа, пересилить который становилось невозможно. Ленина поносили в сатирических журналах, о нем рассказывали небылицы, однако в обществе крепло убеждение, что большевики все равно выступят, а противостоять им некому. От всего этого Ленин небрежно отмахивался. Политические противники стали для него чем-то вроде коллективного Манилова, о чем он время от времени напоминал.

До сих пор считается, что под руководством Ленина большевистская партия едва ли не с августа 1917 г. планомерно готовила вооруженное восстание. На деле к восстанию призывал один Ленин, вынужденный скрываться от Временного правительства. Только вот как осуществить замысел, он, разумеется, не знал. Еще менее понятно это было большевистскому руководству, предававшемуся марксистским заклинаниям на Шестом партийном съезде. Тем временем анархия, точнее, разруха в умах разрасталась в общенациональном масштабе.

Поразительно, что из ленинского лексикона постепенно выветривалось слово «пролетариат», уступая место «массе». 26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов «победивший» Ленин убеждал, что нужно «следовать за жизнью... предоставить полную свободу творчества народным массам»; на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов уверял, что «Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею»; в январе 1918 г. доказывал, что «богаче всего революционным опытом является сама революционная масса», помогающая «немногим десяткам “партийных людей”» (Ленин, 1969б: 27, 139, 266, 311). Вот, собственно, и вся механика большевистского переворота.

В 1918-м, самом смутном году российской истории XX в., Ленин доказывал, что «социализм не создается по указам сверху», ибо «его духу чужд казенно-

бюрократический бюрократизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс». К этому добавлялось, что социалист должен полагаться «на опыт и *инстинкт* (выделено мною. — В. Б.) трудящихся масс» (Ленин, 1974: 57, 275). Кое-кто догадывался о сути происходящего. Некий «интеллигент-естественник» Н. Ф. Николаевский в апреле 1918 г. писал Ленину: «Совершенно случайное совпадение линий действий ваших... и действий народных масс, как проявление стихийного взрыва ненависти против чрезмерно накопившихся социальной неправды и зла и беспорядочного искания выхода, ввело взаимно обе стороны в заблуждение относительно идентичности конкретных целей» (РГАС-ПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1235. Л. 14). Так, в сущности, и было. Но отнюдь не случайно.

Вера в прогресс составила настолько мощную установку для просвещенного сознания, что стала деформировать и даже подавлять привычные моральные табу. Одновременно в условиях резкого уплотнения социально-информационного пространства реактивировались архаичные пласты массового подсознания. Так возникла гремучая смесь «восстания масс». Ни предвидеть, ни своевременно осознать это было невозможно, а потому осталось лишь втиснуть случившееся в привычные социально-исторические концепты.

Миф о социалистической революции возник не случайно. Он был изоморфен тогдашней прогрессивистской ментальности. Историография революции, причем не только большевистски-советская, закономерно стала заложницей (пост) революционного мифотворчества. В центре мифа о якобы восторжествовавшем социализме с неизбежностью встала монументальная фигура Ленина.

В Королевстве кривых зеркал

Что общего между большевиками и толстовцами? Невероятно, но в начале 1918 г. они оказались в одной связке. Как сообщала в заметке «Озорство» омская газета «Пролетарий», на книжном складе местного Совета появилась брошюра «Воззвания единомышленников Л. Н. Толстого ко всем воюющим народам». В ней, помимо прочего, содержалось обращение «Опомнитесь, братья», подписанное 28 сентября 1914 г. некими З. Лобковым и В. Тверитиным. Оказалось, что эти деятели, известные в начале войны как толстовцы, теперь выступили в роли большевистских лидеров местного разлива (Лобков, Тверитин, 1918: 4).

Революция смешала все, что в 1917 г. можно было смешать. Былые последователи великого непротивленца предстали глашатаями революционного насилия. Однако это удивительно только на первый взгляд. На деле большевистский переворот можно представить актом отчаявшегося пацифизма.

Сомнительный культ победителя легко перерастает в миф великого свершения. Особенно после смерти главного персонажа. В наше время некоторым кажется, что хороша любая реклама, кроме некролога. С Лениным случилось с точностью

до наоборот. Даже его принципиальные противники — возможно, для того, чтобы встать вровень с великим покойником — заговорили гиперболами. Буржуазная газета «Prager Tageblatt» закончила статью о Ленине такими словами: «Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти» (цит. по: Горький, 2019: 261).

Волна славословия резко поднялась после смерти Ленина. Конечно, сказывалась русская традиция поминания. Так, бывший министр просвещения Временного правительства, в прошлом член ЦК кадетской партии академик С. Ф. Ольденбург в январе 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов заявил: «Через всю нашу жизнь — и старых, и молодых — прошел великий человек, и потому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильнее...». Нет нужды пояснять, что ради занятия своей наукой ученый-энтузиаст готов поступиться очень многим. Известно и другое: от исторического потрясения человек — сознательно или бессознательно — старается отщипнуть свою толику выгоды. Так, президент Академии наук А. П. Карпинский уверял, что Ленину «были особенно близки и дороги интересы науки и культуры...» (цит. по: Алексеев, 1987: 254).

Ленин действительно ценил и научную мысль, и передовые технологии, будучи уверен, что серьезный ученый непременно придет к социализму, опираясь на ненаучную методологию. Всякое научное достижение, подобно прозрениям литераторов, он воспринимал как своего рода кирпичик, укрепляющий здание великого марксистского учения. Впрочем, особая заинтересованность Ленина в науке была связана еще и с попытками направить чудодейственные инновации на спасение советской власти. Однако научные достижения чреватые не только взлетами общественного сознания, но и его болезненными надломами, перверсиями, кризисами. Это Ленин не учитывал.

На смерть Ленина поспешили отреагировать российские коминтерновцы, собравшие целый набор высказываний о нем самых различных деятелей политики, литературы, журналистики. Правда, редактор сборника В. Д. Виленский-Сибиряков оказался нераскаившимся троцкистом, а автор предисловия Вацлав Сольский в 1929 г. стал невозвращенцем в СССР. Среди зарубежных коммунистов, искренне восторгавшихся Лениным, нашлись «перерожденцы», в 1920-е гг. отшатнувшиеся от реалий социализма. Но остались и догматики.

Так, А. Тальгеймер, один из основателей компартии Германии, уверял, что многочисленные эпигоны Маркса, поглощенные парламентской и профессиональной борьбой, только и делали, что «лишали его учение революционной сути». Вопреки им Ленин «спас» марксизм: «Исходя из готовящейся русской революции, он снова оживил похороненную теорию Маркса о пролетарской революции» (Виленский-Сибиряков, 1924: 14). Однако «ренегаты марксизма», многократно осужденные Лениным, — Карл Каутский и Отто Бауэр — также выразили дань уважения покойному. Сходным образом Роберт Вильямс, британский профсо-

юзный деятель, заявил, что Ленин «сочетал в своей личности совершенный идеализм с совершенным реализмом» (Там же: 56).

Былые сомнения в возникновении явления *ленинизма* теперь отбрасывались. Максимилиан Гарден (Ф. Витковский), известный немецкий журналист, актер и публицист, высказался довольно пронизательно: «...Над образом Ленина будет неустанно работать народная фантазия... За стальным сводом его лба ученого жил инстинкт, здравый рассудок и юмор крестьянина... Только мелочная тупость может спрашивать у этой могилы, допустимо ли восхищаться без буржуазных оговорок коммунистом... Тот самый Ленин, который немилосердно высмеял призыв Струве “пойти на выучку к капитализму”, произнес, при совершенно другой обстановке... знаменитые слова: у каждого дюжинного приказчика мы можем и должны учиться...» (Там же: 32).

Ленин стал превращаться в революционного романтика мирового масштаба. Ромэн Роллан, отнюдь не разделяя его идей, сравнил Ленина с шекспировским Кориоланом. «Я не знаю другой столь же могучей личности в Европе нашего века, — сообщал пацифист. — Он так глубоко, так мощно направил руль своей воли в хаотический океан мягкотелого человечества, что борозда его долго, долго не изгладится в волнах — несмотря на все бури, корабль несется на всех парах к новому миру» (Там же: 50).

Другие известные авторы принялись фантазировать. В свойственной ему манере Бернارد Шоу утверждал: «Я не сомневаюсь, что настанет день, когда в Лондоне будет воздвигнута статуя Ленина рядом со статуей Георга Вашингтона...» (Там же: 57). Даже поведенческие особенности Ленина стали приобретать символический характер. Мартин Андерсен Нексе увидел в «подмигивающем Ленине в кепке» истинного пролетария: «Мысли его были мысли массы, в бесконечном сгущении, простые, проникающие, победные мысли. Его сердце билось в унисон с великим сердцем пролетариата, охватывающем все человечество» (Там же: 60). Томасу Манну Ленин показался «героическим витязем», заявившим: «Да будет проклят тот, кто опускает свой меч, боясь крови». Его брат Генрих Манн утверждал, что, учитывая преданность Ленина своему делу, следует примириться с его беспощадностью. Он сожалел, что в тогдашней Германии не было «никакой возвышенной идеи» (Там же: 27–28).

Из веймарской Германии прозвучал один многозначительный отклик. К. фон Охеймб, депутат рейхстага, представлявшая «партию Стиннеса», заявила: «Лениным я всегда восхищалась как человеком, который душу свою отдал за свой народ. Дай бог нашему немецкому народу в его тяжелую годину человека, подобного Ленину!» (Там же: 26). Это прозвучало жутковато-символично: угольный магнат Гуго Стиннес считался человеком, расправившимся чужими руками с Вальтером Ратенау и проталкивающим навстречу Гитлера. Он предлагал возро-

доть великую Германию, используя для этого мощные социальные программы и оратора-демагога нового типа.

Каждый пытался понять и решить через Ленина свои проблемы. Вождь Октября становился человеком на все времена. Выдающийся философ-марксист Дьердь Лукач сделал характерное заявление: и Маркс, и Ленин «в микрокосме одной страны, с яснovidением истинного гения, нашли макрокосм всеобщего развития» (Там же: 58). Такая формула устроила очень многих.

Всякое общественное смятение внутренне взывает к «спасителю». Генриетта Роланд-Гольст, одна из основателей Коммунистической партии Нидерландов, побывавшая и в Циммервальде, и на III Конгрессе Коминтерна, отмечала: «Эпохи социальных переходов и потрясения старых форм производства и форм старого уклада жизни всегда являются также эпохами внутренней разорванности личности. В такие времена имеется лишь очень немного людей, вполне цельных и внутренне крепких. Ленин был таким человеком: он был вылит из одного цельного куска, и отсюда вытекает цельность его жизни. Это внутреннее единство и целостность объясняют нам его поразительную силу, его почти сверхчеловеческий юмор во всех ситуациях и положениях... Он стал символом полного единства мысли, воли и устремлений, которое необходимо пролетариату для победы» (Там же: 51). Однако сама она, порвав с компартией в 1927 г., пыталась совместить марксизм с христианским социализмом и гандизмом. Как видно, неслучайно она написала биографии Руссо, Махатмы Ганди, наконец, Льва Толстого. Что тут скажешь: бывают странные сближения.

Конечно, в сборнике, составленном коминтерновцами, приводилась масса высказываний революционных деятелей Востока — скорее прогрессистов-народников, нежели коммунистов. Поветрие марксистских идей оказалось настолько мощным, что они намеревались повести за собой крестьян под этим флагом. Не что подобное в значительной степени произошло и с советской идеологией.

Надо ли в связи с этим развенчивать Ленина? Стоит ли противопоставлять неоднозначные реалии прошлого и настоящего безальтернативному марксистскому мифу? Люди только и делают, что воюют с химерами собственного воображения. Слабый и блудливый исторический разум всегда предпочтет «нас возвышающий обман».

Смерть Ленина породила волну «трагически-оптимистических» откликов в самодельной поэзии. Со временем литературный Ленин становился все более благостным, превращаясь едва ли не в подобие Льва Толстого. Особенно заметно это сказалоь на сочинениях для детей. Среди авторов последних впечатляюще проявили себя А. Т. Твардовский и М. М. Зощенко. Затем образ «человечного и простого» Ильича спровоцировал поток зеркально-пародийных анекдотов. Но и тогда ощущался как «вечно живой». Умирала лишь советская идеология.

Мифологический Ленин подобен катастрофическому природному явлению. Его сегодняшний образ не имеет ничего общего с реальным существом — из зеркала конкретных противоречий российской действительности он превратился в зеркало былых надежд на революционное преобразование мира. Несчастье (или счастье) выдающихся людей в том, что «жизнь после жизни» непременно сыграет с ними ироничную шутку. И это заслужено в той мере, в какой они попытались прищипорить историческое время. А оно, вопреки всем им, идет своим чередом.

Литература

- Алексеев П. В. (1987) Революция и научная интеллигенция. М.: Политиздат.
- Атлантикус [Баллод К.] (1907) Марксизм или теория наивысшей производительности. СПб.: Типография «Общественная польза».
- Беллами Э. (1891) Будущий век. СПб.: Типография А. С. Суворина.
- Бонч-Бруевич В. Д. (1968) Воспоминания. М.: Художественная литература.
- Виленский (Сибиряков) В. Д. (ред.) (1924) Политики и писатели Запада и Востока о Ленине. М.: Общество бывш. политкаторжан и ссыл. поселенцев.
- Горький М. (2019) Толстой. Чехов. Ленин. М.: АСТ.
- Крупская Н. К. (1957) Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат.
- Ленин В. И. (1968а) Лев Толстой как зеркало русской революции // *В. И. Ленин. Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 17. С. 206–213.
- Ленин В. И. (1968б) Памяти Герцена // Там же. Т. 21. С. 255–262.
- Ленин В. И. (1969а) Доклад на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Там же. Т. 31. С. 103–112.
- Ленин В. И. (1969б) I Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов 4–28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 г. // Там же. Т. 32. С. 261–292.
- Ленин В. И. (1973) Л. Н. Толстой и его эпоха // Там же. Т. 20. С. 100–104.
- Ленин В. И. (1974) Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 35.
- Ленин В. И. (1975) [Тверскому комитету РСДРП] // Там же. Т. 46. С. 426.
- Ленин В. И. (1970) О значении воинствующего материализма // Там же. Т. 45. С. 23–33.
- Лобков З. И., Тверитин В. (1918) Опомнитесь, братья // *Пролетарий*. 1918. № 4. 12 января. С. 4.
- Милюков П. Н. (1991) Воспоминания. М.: Политиздат.
- Моррис У. (2010) Вести ниоткуда: Утопия. М.: ЛИБРОКОМ.
- Степун Ф. А. (1994) Бывшее и несбывшееся. М.; СПб.: Прогресс-Литера; Алетейя.
- Суханов Н. Н. (1991) Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М.: Политиздат.
- Чулков Г. И. (1999) Годы странствий. М.: Эллис Лак.

Архивы

- Российский государственный архив социально-политической истории РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Документы, относящиеся к партийной и общественной деятельности Ленина. Д. 1235.

LENIN AS A MIRROR OF RUSSIAN REVOLUTION

Vladimir Buldakov

Doctor of history, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences (IRH RAS).

E-mail: kuroneko@list.ru

Lenin did not accidentally call Leo Tolstoy “the mirror of the Russian revolution”. In his rejection of autocratic Russia, he was guided not only by Marxist theory, but also by the moral rejection of “stagnant” reality by the Russian literature. Hence the abundance of “livelihood” literary images contained even in Lenin’s theoretical works. In this connection, Lenin himself appears as a kind of mirror of not yet understood Russian revolution.

Keywords: Lenin, Leo Tolstoy, economic materialism, Marxism, revolution, utopias, Russian literature

References

- Alekseev P. V. (1987) Revoljucija i nauchnaja intelligencija [Revolution and the Scientific Intelligentsia], Moscow: Politizdat (In Russian).
- Atlantikus [Ballod K.] (1907) Marksizm ili teorija naivysšej proizvoditel’nosti [Marxism or Theory of Highest Productivity], St. Petersburg: Tipografija «Obshhestvennaja pol’za» (In Russian).
- Bellami Je. (1891) Budushhij vek [Future Century], St. Petersburg: Tipografija A. S. Suvorina (In Russian).
- Bonch-Bruevich V. D. (1968) Vospominanija [Memories], Moscow: Hudozhestvennaja literatura (In Russian).
- Chulkov G. I. (1999) Gody stranstvij [Years of wandering], Moscow: Jellis Lak (In Russian).
- Gor’kij M. (2019) Tolstoj. Chehov. Lenin [Tolstoy. Chekhov. Lenin], Moscow: AST (In Russian).
- Krupskaja N. K. (1957) Vospominanija o Lenine [Memories of Lenin], Moscow: Gospolitizdat (In Russian).
- Lenin V. I. (1968a) Lev Tolstoj kak zerkalo russkoj revoljucii [Leo Tolstoy as a Mirror of the Russian Revolution], Collected Works, 5 Edit., Vol. 17, Moscow: Izdatel’stvo politicheskoy literatury, pp. 206–213 (In Russian).
- Lenin V. I. (1968b) Pamjati Gercena [In Memory of Herzen], Ibid., Vol. 21, pp. 255–262 (In Russian).
- Lenin V. I. (1969a) Doklad na sobranii bol’shevikov — uchastnikov Vserossijskogo soveshhanija sovetov rabochih i soldatskih deputatov 4 (17) aprelja 1917 g. [Report at a Meeting of Bolsheviks — Participants in the All-Russian Meeting of Soviets of Workers ‘and Soldiers’ Deputies April 4 (17), 1917], Ibid., Vol. 31, pp. 103–112 (In Russian).
- Lenin V. I. (1969b) I Vserossijskij s#ezd rabochih i soldatskih deputatov 4–28 maja (17 maja — 10 ijunja) 1917 g. [I All-Russian Congress of Workers ‘and Soldiers’ Deputies May 4–28 (May 17 — June 10) 1917], Ibid., Vol. 32, pp. 261–292 (In Russian).

- Lenin V. I. (1973) L. N. Tolstoj i ego jepoha [L. N. Tolstoy and his era], *Ibid.*, Vol. 20, pp. 100–104 (In Russian).
- Lenin V. I. (1974) *Collected Works*, 5 Edit., Vol. 35 (In Russian).
- Lenin V. I. (1975) [Tverskomu komitetu RSDRP] [Tver Committee of the RSDLP], *Ibid.*, Vol. 46, pp. 426 (In Russian).
- Lenin V. I. (1970) O znachenii voinstvujushhego materializma [The Meaning of Militant Materialism], *Ibid.*, Vol. 45, pp. 23–33 (In Russian).
- Lobkov Z. I., Tveritin V. (1918) Opomnites', brat'ja [Come Round Brothers], *Proletarij*, 1918, no 4, 12 January, pp. 4 (In Russian).
- Miljukov P. N. (1991) *Vospominanija* [Memories], Moscow: Politizdat (In Russian).
- Morris U. (2010) *Vesti niotkuda: Utopija* [News From Nowhere: Utopia], Moscow: LIBROKOM (In Russian).
- Stepun F. A. (1994) *Byvshee i nesbyvsheesja* [Former and Unfulfilled], Moscow, St. Petersburg: Progress-Litera; *Aletejja* (In Russian).
- Suhanov N. N. (1991) *Zapiski o revoljucii* [Notes on the Revolution], 3 Vols, Vol. 2, Iss. 3–4, Moscow: Politizdat (In Russian).
- Vilenskij (Sibirjakov) V. D. (edit.) (1924) *Politiki i pisateli Zapada i Vostoka o Lenine* [Politicians and Writers of the West and East about Lenin], Moscow: Obshhestvo byvshih politkatorzhan i ssyl'no-poselencev (In Russian).

Archives

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), F. 5, Inv. 2. Documents relating to the party and public activities of Lenin, Arch. 1235.